

В МИРЕ РАДОСТНЫХ ОТКРЫТИЙ

В крохотной дощатой гримерке деревенского клуба залетная гостья — столичная балерина — преображается к асчерной премьере... Простодушные сельские энтузиасты-любители только ахали от происходящих метаморфоз. Но и мы, выдавшие виды горожане, следили за актрисой во все глаза: ресницы — ресницами, шиньон — шиньоном, но попробуйте вот так изящно завязать тесемки пальцевых туфель! Продемонстрировать такую вывертливость без многолетнего тренажа! Драматическая актриса в роли примы Лиды поражала своей танцевальной грацией и неподдельной профессиональной повадкой. Откуда, казалось бы, знать ей эти неписанные законы балетного закулисья, мелкие, специфические подробности сценического туалета танцовщицы?

И лишь потом я узнала, что мир Лиды из спектакля «Наталья и Русалочка» долгие годы был собственным миром актрисы, существование самой Ирины Петровой было от начала до конца подчинено одному — балету. Каждое утро: плечи — под холодный колющий душ, несходящие мозоли на ногах — под упругий атлас пальцевых туфель, и обязательный станок до седьмого пота, до ноющей боли в суставах. Лишь вечером вознаграждение: сцена театра, знакомые и любимые мелодии Чайковского, Шопена. И так изо дня в день.

Почему же Ирина отказалась от привычной, заполненной постоянной работой жизни балерины? Может быть, она верила, что на драматической сцене сумеет глубже, полнее выразить себя в отличие от балета, где слишком многое решали высота шага и точность вращения. Словом, она пришла в Новосибирское театральное училище.

Первые сезоны в ТЮЗе складывались для нее удачно: Ирина играла много, режиссеры охотно занимали ее — она умела быть сценичной на сцене.

Первую свою большую роль Ирина протанцевала в вихре того успеха, каким пользовался последний блестящий спектакль В. Кузьмина на тюзовской сцене. Неотразимо зеленый дон Хиль посрамлял всех своими пируэтками и батманами. Динамичная балетная пластика, несомненно, помогла в роли, где надо было все время кого-то догонять и от кого-то ускользать, переодеваться, отбиваться от влюбленных дурочек и обводить вокруг пальца двойников.

Но и в других, менее ярких ролях, заветные танцевальные средства спешили на выручку. Например, Стелла и Виллина из сказки «Волшебник Изумрудного города» были щедро наделены ею торжественно-величавой, сдержанно-приветливой грацией волшебных фей.

Привытый с детства принцип пластичности актриса толковала емко — как задачу поисков для каждой героини своей характерной мимики, оправданной внешности. Разной красотой были красивы на сцене Фанни из романа Л. Буссенара «Калитан Сорви-голова» и шекспировская Анна Пейдж. Они и двигались по-разному: широкие, летящие шаги девушки с фермы вы бы не спутали с благородной грацией Анны. Беда была в другом. Уже с «Пеппи»

счастливым найденным обликом героини с торчащими рыжими косичками, повадками веселой клоунессы не оказался чем-то внутренне значащим. А на сцене все внешнее — движения и жесты, костюмы и мизансцены только тогда по-настоящему хороши и ценны, когда вызывают и направляют внутреннюю жизнь. Этого долго не случалось. Поэтому как откровение воспринималась сильно и смело проведенная актрисой сцена неудачного побега из дому («Шестнадцать лет»), короткий эпизод объяснения с матерью, который начинался бурным гневом и протестом дочери, а заканчивался бессильными тихими слезами, полной душевной капитуляцией.

В Марусе («Настенька»), лишенной броской привлекательности, не было внешних сучков, за которые можно было бы ухватиться. Да и все декоративно-костюмное, внешнее, мимическое здесь просто не «сработало» бы.

Маруса одета в фронтонную телогрейку и сапоги — женщина-письмоносек в блокадном Ленинграде, ничем не примечательная, одна из многих. Только, может быть, чаще других сталкивалась она с человеческим горем и страданием. Актриса правильно поняла миссию своей героини: она утешала отчаявшихся, отогревала замерзшую Настеньку, с гневом и верой читала страстные строки Ольги Берггольц. Актриса защищала человечность, и метод сочувствия, сопереживания, соучастия по праву стал доминантой роли.

И еще одна роль — Инка из спектакля «Репетитор», подруга виновницы сценических перипетий Кати Батистовой. Томно расслабленная после вечернего купания, с полотенцем через плечо, Инка удобно устраивается для привычной операции: расставив перед собой бесчисленные парфюмерные принадлежности, она принимается «оживлять» свое

лицо. И опять Петрова радуется нас точными, смешными деталями, особенно «бьющими» на сей раз, ибо они вскрывают внутреннюю подоплеку ситуации.

Инка терпеливо сосредоточивает внимание на своих ресницах, тщательно «подправляет» глаза, приводит в порядок ногти. Наконец, дерзко откидывает со лба рыжую прядь — вот она, эмансипированная, независимая (руки в карманах), уверенная в себе, знакомая нам современная женщина, которая, если понадобится, сверху вниз взглянет на старорежимные предрассудки. С грубоватой уверенностью Инка учит жизни свою юную подругу, не особенно церемонясь с подбором выражений. И все время демонстрирует себя: свои роскошные волосы, салонную манерность, прогрессивные суждения.

А на самом деле перед нами предстает совсем иная, одинокая, жаждущая счастья девушка, уставшая от случайных знакомств, дежурных встреч, которые ничего не приносят, кроме разочарования, от нелюбимой, надоевшей работы в темном фотоателье. Точно найденный актрисой подтекст решительно опровергает благополучие, что так невозмутимо исповедует ее героиня. Подтекст опровергает текст.

Сейчас, когда пытаешься осмыслить сделанное Ириной, кажется, что ее работа в театре — это попытка воссоединения без взаимного ущерба природных балетных данных и профессиональных драматических навыков для создания полноценных сценических образов. Лучший пример тому — мисс Палка из спектакля «Кот в сапогах».

На подмостки выступает особа без возраста с холодно-презрительной гримасой на тусклом лице. Она застегнута до ушей — узкое платье синего форменного цвета педантично сдерживает движения. Кирпичные волосы парика собраны в пучок пирамидальной формы, поражающей нелепостью и... высотой. А где еще вы встретите такие надломленные руки, делающие все жесты острыми и неожиданно резкими, такой шпионский цепкий взгляд и такую невозобразимую выправку!

Мисс Палка видит свое высшее назначение в том, чтобы воспитать утраченную в грезах принцессу в духе желанной морали и здравого смысла. Этим гувернантка и занимается, с редкой пунктуальностью повторяя: «Принцесса, будьте сдержанны!» (При этом Петрова так изменяет тембр голоса, что уже первые звуки ее речи вызывают смех зала). И чем настойчивее мисс Палка в своей обывательски косной требовательности, тем понятней неподчинение Принцессы ее сентенциям.

Сама же мисс Палка настолько худа, сдержанна и отвержена от бытия, что не остается никаких сомнений в ее стоическом образе жизни.

Говоря о последних работах Петровой, невольно чувствуешь новую струю в ее актерской биографии — и веришь, что у актрисы впереди еще много радостных и неожиданных открытий.

И. ФАДЕЕВА.

На снимке: И. Петрова в роли Оли в спектакле «Шестнадцать лет».
Фото Н. Соничевой.